

Блокадные сухари от бабушки

Для нашей семьи война началась в день рождения моей мамы — Любавской Ефросины Степановны. По этому случаю на воскресный день 22 июня 1941 г. была назначена поездка на загородный пикник, но именно с этого нашего семейного праздника начался отсчет тяжёлых испытаний в прифронтовом и затем блокадном городе.

Мой папа, Базаров Семён Михайлович, работал тогда инженером в дорожно-эксплуатационном управлении, руководил работами по восстановлению и обслуживанию дорог в районах недавних боевых действий около новой границы с Финляндией, установленной после советско-финской войны 1939—1940 гг. Как убежденный коммунист, он считал своим долгом немедленно отправиться на фронт добровольцем, не дожидаясь мобилизации. Через два дня он был направлен на передовые позиции Ленинградского фронта. Мама осталась одна на последних месяцах беременности — до моего рождения оставалось около 9 недель. По профессии она была учительницей, но по требованию военного времени устроилась на новую работу — в то же дорожно-эксплуатационное управление, где раньше работал папа. Начало блокады совпало с моим рождением и тяжёлым ранением папы. Маме пришлось совмещать изнурительную работу, чтобы сохранить рабочую карточку на продукты, со спасением своей семьи — на это оставались только поздние вечера и ночи.

Все это я узнала от своих родителей, родственников и знакомых уже после войны, так как самое трагическое время ленинградской блокады пережила в младенчестве. Теперь я жалею, что так и не узнала очень много подробностей жизни моих родителей в этот период. Сами они в послевоенное мирное время оберегали детей от напоминаний об ужасах блокадного времени. В моей памяти остались только отдельные эпизоды, но в подсознании сохранилось ощущение неистребимой тревоги в виде кошмарных снов с разрывами бомб, виселицами, преследованиями, чрезмерным беспокойством за близких и прочими страхами, хотя я, по отзывам родственников, унаследовала от своего папы оптимистический характер. Война входила в подкорку детского организма с первых минут его появления на свет.

...Мама родила меня на пути в роддом, в подвезде одного из домов на Васильевском острове, где случались разрывы снарядов очередного артобстрела города — именно в эти дни, в начале сентября замкнулось кольцо блокады. Я не знаю, как удалось маме выходить только что родившегося ребенка и получившего тяжёлое ранение в это время моего отца. В бою на подступах к Ленинграду пулеметные очереди прошли ему ноги и грудную клетку. После нескольких недель безуспешного лечения в переполненном госпита-

ле маме при содействии работавшей здесь дальней родственницы удалось забрать папу домой с надеждой спасти его. Уходя на работу, она оставляла нас под одним одеялом, и мы согревались теплом друг от друга. Мама рассказывала, что возвращаясь поздними вечерами с работы, в первую очередь смотрела, кто из нас жив. Когда я уже была матерью двух детей, мама незадолго до своей смерти призналась, что в эти минуты думала больше не обо мне, а об отце. Она к этому времени уже пережила трагические потери трёх детей, которые умерли в первые месяцы жизни. «Если отец останется жив, то после войны у нас будут ещё дети», — так убеждала она себя. Благодаря маме мы выжили оба. Папа после длительного восстановления в начале 1945 года снова ушел на фронт, где участвовал в боях за Берлин. А после войны в 1947 г. родился мой брат Женя, которому судьба отмерила, как и моему папе, короткую жизнь — он погиб 9 мая в автомобильной аварии в день своего пятидесятилетнего юбилея. Вблизи места его гибели в это время был праздничный салют. Так в нашей семье три исторические даты — начало войны, блокады и День Победы — ассоциируются с днями рождения самых близких людей и одновременно с невосполнимыми утратами.

Наверное, нам повезло в том, что мы жили в служебном деревянном доме в Шувалово, на тогдашней окраине Ленинграда. Отцу много раз предлагали улучшить жилищные условия, но он, преодолевая упреки мамы мягкими уговорами, каждый раз уступал своё право на переселение в более комфортное жильё кому-то из своих сослуживцев, которые, как он считал, нуждались в этом больше. Эта доброта отца обернулась для нас спасительным преимуществом в годы блокады. В доме было печное отопление, а в небольшом дворике — сарайчик с запасом дров. Среди этих дров в первую блокадную зиму мама обнаружила настоящий клад — целый мешок с сухарями. Это были бабушкины сухари. Бабушка жила в Белоруссии, откуда была родом и мама. К моим родителям она приезжала гостить. С голодных лет гражданской войны и коллективизации у неё сохранилась привычка собирать остатки хлеба и сушить сухари «на чёрный день». Мама считала эти затеи проявлением старческих причуд, но не успела за тем, как бабушке всё-таки удалось накопить запас сухарей и надежно припрятать их среди дров. Они стали неотъемлемой и очень существенной добавкой к блокадному пайку.

Потом для отопления домов на нашей улице пошли изгороди и растущие вблизи деревья — я запомнила пни от исчезнувшей липовой аллеи. В летние месяцы подспорьем в питании были похлебки из лебеды, крапивы и каких-то других трав.

Я смутно помню, что некоторое время у нас жила моя двоюродная сестра Валя. Наверное, это было самое голодное время. Её привела к маме тетя Фруза, она была уже вдовой моего родного дяди: «Что хочешь делай с ней, Фруза (так звали и мою маму по-белорусски), но нам всё равно не выжить, а тебе она может помочь как нянька для твоей Людмилы». Валя осталась у нас.

В мамином роду война оставила очень жестокий след. Бабушка пережила оккупацию в Белоруссии. Её муж, мой родной дед, был повешен немцами за участие в партизанском отряде, три брата мамы погибли на фронте в первые дни войны. Остались, кроме мамы и бабушки, эвакуированная из Ленинграда тетя Аня и дядя Володя — он по молодости лет был призван на фронт только в конце войны.

По немногим сохранившимся фотографиям и воспоминаниям родственников двое из погибших бабушкиных сыновей были настоящими красавцами, а двое других были совсем другой породы. В облике этих сыновей и бабушки, которая, как я помню, не блистала красотой, отразилась семейная тайна, которая долго скрывалась от нас из-за социальной «неблагонадежности» наших родословных корней. По «рассекреченным» моей тетей и мамой семейным преданиям — это было уже в конце их жизни — отцом моей бабушки, т.е. моим прадедом, был немецкий барон. Он женился на красавице-крестьянке польского или польско-белорусского происхождения. От них родилась моя бабушка. Во время первой мировой войны, когда территория Западной Белоруссии была захвачена немцами, мой прадед бесследно исчез. Его жена умерла очень рано. Из всей моей родни их могла знать только моя бабушка.

Проверить достоверность этого предания теперь невозможно, но сохранились некоторые характерные наследственные признаки и семейные реликвии, которые подтверждают вероятность этой истории. В мамином роду рождались потомки с чертами рыжего, конопатого, носатого прадеда и большезлазой, белолицей и черноволосой прабабушки. Тетя Аня показывала мне сохранившиеся у неё старинные дорогие украшения явно не из разряда крестьянских фамильных ценностей. Ещё я видела у неё фотографию человека с необычной, запоминательной внешностью. У него было надменное выражение лица, большой картофельнообразный нос (как у бабушки), длинные закрученные на концах усы, торчащие в стороны, как пики, и шортук прусской формы. Так в истории нашего рода переплелись разные социальные и этнические корни с драматическими событиями в жизни страны. К этому можно добавить, что и мой отец, вероятно, не был «чистокровным» русским по своим дальним предкам. В чертах его лица,

как и у моего брата, татары угадывали своего соплеменника, да и его фамилия Базаров тоже имела явные тюркские корни. Родился он в Поволжье, где русские и татары жили бок о бок. Я думаю, эти подробности могут быть интересны нашему потомкам, иначе после нас они исчезнут из истории.

У моей мамы были и другие основания долго скрывать от детей свою родословную. В белорусской деревне в период коллективизации она вступила в комсомол и в возрасте 16—17 лет активно участвовала в раскулачивании. Но потом её семья была тоже раскулачена. Мама, вероятно, всю жизнь переживала «грех» своей юности и последствия своего «кулацкого» происхождения. У неё был счастливый брак с моим папой, но они не сразу оформили его официально. И свою девичью фамилию она так и не поменяла. Мама боялась испортить служебную карьеру отца, который происходил, видимо, из «незапятнанной» крестьянской семьи и свято верил в коммунистические идеалы. Патриотизм, неистребимая вера в светлое будущее и вынужденное отречение от своего прошлого были нормой жизни того времени.

Послевоенная счастливая жизнь моих родителей была недолгой. Папа умер в 1958 г., едва дожив до 55 лет — сказались его фронтовые раны. Я хорошо помню тревожное ощущение его не защищенной пульсирующей груди — у него так и не срослись после ранения раздробленные ребра. Мы остались без отца, когда я училась в восьмом классе, а брат в третьем. Для мамы опять наступил тяжелый период. Из-за инвалидности ее не принимали на работу, а мизерной пенсии, конечно, не могло хватить на содержание семьи. Она устраивалась полуправильно на временные работы — воспитательницей в детскую трудовую колонию, кастеляншей на велотреке, ещё на какие-то подработки. И никогда не жаловалась на свои болезни и житейские трудности. Мы с братом закончили школу и получили высшее образование, хотя нам пришлось совмещать учёбу с работой, помогая маме материально. Благодаря её мужеству и героизму наша жизнь состоялась.

Когда мне предложили написать воспоминания о моем блокадном детстве, я долго отказывалась, считая, что никакой моей заслуги нет в том, что я выжила в это время. Меня побудило написать о блокадном времени чувство вины перед моими родителями за то, что я так мало узнала об этом времени при их жизни, о их подвиге во имя нашей мирной жизни и о своих более дальних предках. Я надеюсь, что когда-то наши современники и потомки захотят узнать больше о людях этого героического времени, среди которых были и их родственники. Не должна прерываться связь времен и поколений, как это бывало раньше.

Л.С. Базарова, ИНГ СО РАН

«Я к вам обязательно вернусь. Только жди»

Президиумом Томского научного центра СО РАН и Советом ветеранов томского Академгородка был объявлен конкурс творческих работ, посвященных Дню Победы. Предлагалось рассказать о своих близких, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, о семейных реликвиях, связанных с этим периодом истории. И люди откликнулись на этот призыв: на конкурс пришли очень интересные, искренние работы, пронизанные любовью к своим родным и глубоким уважением к подвигу всего советского народа.

Жительница Академгородка Юлия Кирилова рассказала о своём прадедушке — Александре Федоровиче Бакшине, прошедшем сначала финскую войну, а затем Великую Отечественную. В семье Кириловых сохранились письма с фронта, написанные Александром Федоровичем своей жене — тоненькая ниточка, которая связывала двух любящих друг друга людей, на годы разлучённых друг с другом. Вот выдержка из нового письма: «1 час 00 минут. 1 января 1944 года. Фена! Начал жить новый год, сегодня как никогда чувствуется что-то важное, небывалое в нашей жизни. В этом году мы должны встретиться, не позже, ибо чаша моего терпения переполнилась настолько, насколько и у тебя, мой друг. Шесть лет ты без меня...»

Юлия Кирилова пишет: «В его отсутствие родилась дочь Галя. Когда они встретятся, она будет уже большая, но он полюбит её ещё на фронте. В 1940 году жена прислала ему её фотокарточку, это было спасение, это была надежда вернуться домой и увидеть её своими глазами, обнять и почувствовать себя снова счастливым. Тогда он установил для себя чёткое правило: не сдаваться, ради доченьки и жены, терпеть до конца и вернуться домой, увидеть их, любимых и самых дорогих на свете. Во всех его письмах, после рож-

дения дочка звучала просьба: «Береги нашу дочь. Она для нас — всё. И ради неё жди меня, мой друг. Я к вам обязательно вернусь, только жди».

Борис Александрович Воронин, к.ф.-м.н., с.н.с. Института оптики атмосферы СО РАН представил на конкурс необычную работу — тематический плакат, посвященный его дедушке, Александру Николаевичу Балыгину. На нём представлен и рассказ о боевом пути рядового А.Н. Балыгина (в известном танковом сражении под Прохоровкой он получил тяжёлые ранения и был награждён орденом Красной Звезды), фотографии, воспоминания о страшном событии — гибели друга. «В составе пулемётного расчёта вторым был Николай Гинчук из Полтавской области. Бывший председатель колхоза имел бронь как отличник-организатор хозяйства, но пришёл в действующую армию после оккупации. Пришёл мстить немцам за свою уничтоженную семью... Шёл сильной бой. Пулемётная стрельба велась из окон. Николай подавал диски. «Николай, подавай!» — позвал Александр. — Подавай!» Ответа нет».

Очень откровенно то, что участниками нашего конкурса стали дети — учащиеся Академического лицея: третьеклассники Кирилл Боровиков и Софья Кривошеева, девятиклассники Александра Зайцева, Дарья Курточакова, Дмитрий Шершнёв. Важно, чтобы историческая память была жива, чтобы она передавалась из поколения в поколение.

Саша Зайцева назвала свою работу «Две войны и мир Василия Трифоновича Трифонова». Боевой путь её дедушки протянулся «от Кенигсберга до Порт-Артура, от Балтийского моря до Японского — после победы над гитлеровской Германией в числе тысяч красноармейцев он был отправлен на фронт советско-японской войны». После войны В.Т. Трифонов смог доучиться — сначала закон-

чить школу, а потом поступить и в вуз. Дмитрий Шершнёв посвятил свой рассказ дедушке, Леонтию Вениаминовичу Брандту. Вот фрагмент его воспоминаний: «Многие удивляются, как я попал на фронт в 17 лет. Если бы не имел физической закалки, то никто меня бы и не записал зимой 41-го года в 150-ю Сибирскую добровольную дивизию, а точнее — в лыжный минометный батальон. Я показал значок ГТО и справку, что отлично хожу на лыжах, и все сомнения развеялись». Л.В. Брандт встретил День Победы на территории Чехословакии. В числе его боевых наград — орден Отечественной войны I степени, орден Красной звезды, орден Славы III степени, медали «За отвагу» и «За взятие Праги». Вот какие слова написал Дмитрий: «Подвиг людей, защитивших нас, их потомков, никогда не будет забыт. Вечная им память и вечная им слава! Я очень горжусь своим дедом!»

В семье Дарьи Курточаковой долгие годы хранится вырезка из газеты, рассказывающая о подвиге её прадедушки — Александра Карповича Васильева, кавалера трех степеней орденов Славы, кавалера ордена Красной Звезды, командира отделения саперного батальона 370-й стрелковой Бранденбургской Краснознаменной ордена Куртузова дивизии:

«...В ночь с 15 на 16 апреля 1945 года товарищ Васильев возглавил группу разграбления и проделал два прохода в минных полях, своих и противника. При этом было снято до пятидесяти отечественных мин и пятьдесят мин гитлеровцев. Кроме того, группой были перерезаны проволочные препятствия противника в непосредственной близости от его переднего траншеи. Во время атаки нашей пехоты товарищ Васильев со своей группой разминировал дорогу в районе Лебус — г. Франкфурт-на-Одере. Этим

самым была дана возможность продвинуться нашей технике значительно вперёд».

«Мой прадед пропал без вести, — пишет третьеклассник Кирилл Боровиков. — Прабабушка Наташа получила письмо с фронта от мужа лишь однажды. Слов было не много, но они оказались последними: «Поехали на защиту Сталинграда!». Кирилл рассказал в своем сочинении о прабабушке, в тяжелые голодные годы она одна подняла на ноги детей. А их в семье росло четверо: «Прабабушка Наташа была рукодельница. Она умела шить, вязать, стегать одеяла. Это очень помогло в жизни. Она свяжет соседке кофту, а соседка ей муки даст. Так и жили, чтобы выжить».

Третьеклассница Софья Кривошеева тоже написала о своем дедушке: «Мой дедушка Григорий родился в 1914 году в д. Григорьевке Туганского района Томской области. В его семье было 10 детей, а он старший. Дедушка закончил два класса и стал помогать родителям по хозяйству. В 1939 году его призвали в армию. Он два года служил в Монголии. В 1941 году женился на моей бабушке. Они прожили три недели, и началась война. Дедушка ушел на фронт. Всю войну он сражался с фашистами, дошел до Берлина, и ни разу пуля не коснулась его. Мой дедушка был награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией». Сейчас дедушки нет в живых, но наша семья его никогда не забудет. Я горжусь тем, что мой дедушка — герой».

PS. 4 мая в Доме учёных Томского научного центра СО РАН состоялся праздник, посвященный 9 Мая. На нём были подведены итоги конкурса. 1-е место заняли Дмитрий Шершнёв и Кирилл Боровиков, 2-е место — Александра Зайцева и Софья Кривошеева, 3-е место — Дарья Курточакова.

О. Булгакова, г. Томск